

Мой грустный Моцарт

Такого Моцарта услышать – редкость, почти диковина. Чтобы стиль, простой и изощренный одновременно, засиял равно обеими своими гранями. Чтобы пресловутая “солнечность” не слепила глаза, а искомый подтекстовый трагизм не казался надуманным.

“Musica viva”, ведомая Александром Рудиным, показала филигранную технику, божественный мягкий звук и абсолютное владение стилем. Элисо Вирсаладзе в трех фортепианных концертах (Девятом, Двенадцатом и Концерте-рондо) поразила не только сверхсовершенным исполнением текста, нереальным пиано и неземными по отточенности колоратурами и фразировкой. Ее Моцарт не солнечный герой, даже в самых мажорных своих проявлениях и самых виртуозных фортепианных фиоритурах. Но он и не плотски драматичен. Ее Моцарт – как божественный по совершенству экспонат, как поразительная по красоте вещь, одухотворенная человеческим взглядом, как алмаз, играющий всеми своими гранями, или лед, сверкающий на солнце. Он неживой. Им нужно любоваться, как можно любоваться лишь чем-то вечным и неизменным. Слушать такого Моцарта – постигать абсолютную красоту, абсолютную гармонию, абсолютное совершенство в искусстве. Слушать – и не таять, и не теряться в догадках – о чем это? – и не пытаться делать выводы. Это совершенство, от созерцания которого становится не много грустно.

Анна ВЕТХОВА

Кудальмурд-2001-31 окт-бюджет-61009-129